

II. УСИЛЕНИЕ КОНТРОЛЯ ВО ВСЕХ СФЕРАХ

1. «Одергивание» национальностей

Если в экономической области война привела к ограничению волюнтаристской практики, то в идейно-политической сфере она вызвала ослабление надзора, увеличила число неконтролируемых идейных движений, особенно среди тех, кто в течение нескольких лет находился за пределами системы (в оккупированных районах или в плену), в национальной среде и интеллигенции.

С возвращением к мирной жизни власти попытались, действуя чаще всего жестоко, восстановить контроль над умами. Обращение с военнопленными, репатрированными в СССР, уже с лета 1945 г. свидетельствовало об ужесточении режима. В целом только около 20% из 2 млн. 270 тыс. репатрированных военнопленных получили разрешение вернуться домой. Большинство же бывших военнопленных были или отправлены в лагеря, или приговорены к ссылке минимум на пять лет или к принудительным работам по восстановлению разоренных войной районов. Такое обращение было продиктовано страхом, что рассказы репатрированных о пережитом будут слишком расходиться с тем, что официально выдавалось за правду. Показательно, что в июне 1945 г. сельские органы власти получили инструкцию установить в деревнях на видном месте щиты с надписями, предупреждавшими, что не следует верить рассказам репатрированных, так как советская реальность неизмеримо превосходит западную. Это уведомление имело целью морально изолировать репатрированных и заставить людей подозревать их в предательстве.

Возвращение в состав СССР территорий, включенных в него в 1939 — 1940 гг. и оставшихся в оккупации в течение почти всего хода войны, во время которой там развились национальные движения против советизации, вызвало цепную реакцию вооруженного сопротивления, преследования и репрессивных мер. Сопротивление аннексии и коллективизации было особенно сильным в Западной Украине, Молдавии и Прибалтике. Первая советская оккупация Западной Украины (сентябрь 1939 — июнь 1941 г.) вызвала к жизни довольно мощную подпольную вооруженную организацию — ОУН (Организация украинских националистов). После прихода туда немецких войск ее лидеры предприняли безуспешные попытки создать независимые украинские правительства во Львове и Киеве. Члены ОУН часто добровольно вступали в подразделения СС (такие, как дивизия «Галичина») для борьбы против евреев и коммунистов. В июле 1944 г., когда Красная Армия вступила в Западную Украину, ОУН создала Высший совет освобождения Украины. Лидер ОУН Р.Шухович стал командующим Украинской повстанческой армии (УПА), численность которой достигла осенью 1944 г., согласно украинским источникам, более 20 тыс. человек. С июля 1944 г. по декабрь 1949 г. советские власти семь раз предлагали повстанцам сложить оружие, обещая им амнистию. В 1945 — 1946 гг. сельские районы Западной Украины, ее «глубинка», находились в основном под контролем повстанцев, которые пользовались поддержкой крестьянства, категорически отвергавшего саму идею коллективизации. Силы УПА действовали в районах, граничивших с Польшей и Чехословакией, скрываясь в этих странах от ответных операций Советской Армии. О масштабах этого движения можно судить по тому, что СССР был вынужден подписать в мае 1947 г. соглашение с Польшей и Чехословакией о координации борьбы против украинских «банд». Согласно ему польское правительство переместило украинское население на северо-запад страны, чтобы лишить повстанцев их прочной базы. Голод 1947 г., заставивший десятки тысяч крестьян из восточной части Украины бежать в западную, менее пострадавшую, позволил повстанцам в течение еще некоторого времени пополнять свои ряды. Окончательно Западная Украина была покорена только в 1950 г., после проведения там коллективизации, переселения целых деревень, депортации, ссылки или арестов около 300 тыс. человек (с 1945 по 1950 г.). Эта

цифра включала тех, кто сотрудничал с немцами, повстанцев и простых крестьян, которые сопротивлялись коллективизации или поддерживали партизан из УПА. Судя по признанию министра внутренних дел СССР в декабре 1949 г., «повстанческие банды» набирались не только из крестьян. Среди разных категорий «бандитов» этот документ упоминал также «молодых людей, сбежавших с заводов, донецких шахт и из фабрично-заводских училищ».

Возвращение Западной Украины в состав СССР сопровождалось преследованиями униатов. После смерти в ноябре 1944 г. митрополита Западной Украины Шептицкого Униатской церкви было рекомендовано слиться с Русской православной церковью. Вскоре новый митрополит Слипый и несколько других иерархов были арестованы и осуждены за сотрудничество с немцами. В марте 1946 г. в Киеве состоялся объединительный Синод, на котором председательствовал патриарх Алексий. В 1951 г., после убийства Закарпатского епископа Ромши, униаты этого региона были также присоединены к Русской православной церкви.

В прибалтийских странах советские власти, прежде чем приступить к коллективизации, провели депортацию «классово враждебных» элементов, конфисковали земли крупных собственников, которые были распределены среди бедных крестьян, подавили сопротивление аннексии со стороны вооруженных групп партизан (1945 — 1948 гг.). В 1948 г. удельный вес коллективизированных хозяйств не превышал 2,4% в Латвии, 3,5 — в Литве и 4,6% в Эстонии. Насильственная коллективизация была проведена в два года (1949 — 1950 гг.). В 1950 г. в этих республиках было коллективизировано соответственно 90,8, 84 и 76% хозяйств по той же модели, что и во всей стране в 1929 — 1933 гг.: ликвидация имевшихся форм добровольной кооперации, охватывавших в этих районах три четверти крестьянских хозяйств, раскулачивание, экономическое и полицейское давление на крестьян, вынуждавшее их забивать свой скот и вступать в колхозы. Коллективизация сопровождалась депортацией примерно 400 тыс. литовцев, 150 тыс. латышей и 50 тыс. эстонцев.

26 июня 1946 г. «Известия» опубликовали указ о высылке за коллективное предательство чеченцев, ингушей и крымских татар, ликвидации Чечено-Ингушской автономной республики, а также «разжаловании» Крымской автономной республики в Крымскую область. На самом деле депортация этих и других не названных в указе народов была произведена уже за несколько лет до этого. Указ от 28 августа 1941 г. объявил о «переселении» немцев Поволжья (400 тыс. человек в 1939 г.) под предлогом наличия среди них «диверсантов» и «шпионов». С октября 1943 по июнь 1944 г. за «сотрудничество с оккупантами» были депортированы в Сибирь и Среднюю Азию шесть других народов: крымские татары (примерно 200 тыс. человек), чеченцы (400 тыс.), ингуши (100 тыс.), калмыки (140 тыс.), карачаевцы (80 тыс.), балкарцы (40 тыс.). В течение примерно десяти лет депортированные народы официально как бы не существовали.

Политика репрессий против некоторых национальностей и отказа от удовлетворения их национальных чаяний в известном смысле была продолжена в «речи Победы», произнесенной Сталиным 24 мая 1945 г. Поднимая тост не за советский, а за русский народ, Сталин объяснил, что последний — «руководящая сила Советского Союза» — сыграл решающую роль в войне. Своими «ясным умом», «стойким характером» и «терпением» он заслужил право быть признанным вождем «наиболее выдающейся нации из всех наций, входящих в состав Советского Союза».

Речь Сталина означала отказ от прежней концепции русского народа как первого среди равных в пользу его дореволюционного видения как народа-просветителя и покровителя. Вместе с тем Сталин, по сути, лишь вернулся к идеям, которые он отстаивал вопреки Ленину в 1922 г. в своем проекте автономизации, где Россия играла роль центра системы. Эта концепция была «исторически обоснована» во второй половине 40-х гг. прославлением прошлого русского народа и ревизией истории его отношений с другими народами СССР. Как и в 30-х гг., к созданию новой истории страны партия подключилась неповоротливо и грубо. В 1946 г. был закрыт «Исторический журнал», признанный неспособным разработать новый подход к истории. Созданные вместо него «Вопросы истории» в свою очередь в 1949 г. подверглись жестокой чистке. Историкам было настоятельно рекомендовано «избегать недооценки

влияния Киевской Руси на Западную Европу» и «показывать действительно прогрессивный аспект исторического вклада русского народа в развитие человечества».

В работу были вовлечены и представители естествознания. Состоявшаяся 5 — 10 января 1949 г. в Ленинграде сессия Академии наук СССР, посвященная 225-й годовщине основания российской Императорской Академии наук, «окончательно» доказала историческое превосходство русской науки. Ей был приписан приоритет следующих открытий: радио, лампа накаливания, трансформатор, самолет, парашют, передача электроэнергии. Таким же образом Ломоносов стал первооткрывателем закона сохранения энергии. Если русское прошлое превозносилось во всех своих аспектах (древность заселения, уровень цивилизации, достижения в области искусства и науки, военные победы, просветительская деятельность), то политические и культурные свершения, которые относились к далекому прошлому нерусских народов, должны были затушевываться на фоне восхвалений оказанных русскими благодетелей. Дореволюционная история этих народов изображалась как непрерывно крепнущая дружба между ними и русским народом, а царская империя представала отнюдь не «тюрьмой народов», а тиглем, в котором выплавлялось единство народов, собранных вместе благодаря их колонизации русским народом, к тому же открывшим перед инородцами революционную перспективу. В рамках этого нового видения национальные движения сопротивления царизму, когда-то признававшиеся «прогрессивными», могли только осуждаться. После четырех лет оживленных дискуссий имам Шамиль, предводитель движения за независимость Кавказа в первой половине XIX в., был признан «английским шпионом», а движение — «реакционным». Следствием этой «исторической» дискуссии, проведенной Институтом истории АН СССР, стал глубокий политический кризис в Грузии. 1 апреля 1952 г. пленум ЦК КП(б) Грузии, проведенный в присутствии специально приехавшего из Москвы Берии, сместил все руководство республики, находившееся у власти с 1938 г. Новое руководство во главе с А.Мгеладзе начало крупномасштабную чистку, которая коснулась более 400 секретарей горкомов и райкомов партии, подавляющего большинства партийных кадров на местах. В 1951 г. критике из центра был подвергнут национальный эпос мусульманских народов: азербайджанская эпопея «Деде Коркут», узбекская «Альпамыш», казахский эпический цикл «Ер Саин», «Шора Батыр» и «Кобланды Батыр», киргизская эпопея «Манас», которые были осуждены за их «клерикальную и антинародную» направленность и запрещены. В большинстве мусульманских республик национальная интеллигенция молча приняла этот удар по культурному наследию. Исключение составила Киргизия: даже в партийных организациях бурная полемика по поводу запрещения «Манаса» продолжалась несколько месяцев.